

Козетта

Козетта — бедная девочка-сирота, восьми лет от роду. Её мать, Фантина, оставила дочку на воспитание семейной паре Тенардьё. Но они держали девочку за служанку и всячески издевались над ней.

Жан Вальжан

Жан Вальжан был приговорён к девятнадцати годам каторжных работ за кражу буханки хлеба. Выйдя из тюрьмы, он даёт обещание умирающей Фантине отыскать её дочь, Козетту.

Тенардьё

Эта семейная пара живёт в Монфермейле. Они держат трактир. Мадам Тенардьё — жестокая и властная женщина. Господин Тенардьё — человек злобный и недоброжелательный. У них две дочери: Эпонина восьми лет и Азельма шести лет.

Виктор Гюго

КОЗЕТТА

Художник
Оливье Дево

Глава первая

ЖАВОРОНОК

Наша история случилась почти двести лет тому назад. По узкой, пыльной улочке Хлебопёков, что протянулась вдоль домов и палисадников небольшой французской деревни Монфермейль, брела усталая, плохо одетая женщина с трёхлетней девочкой на руках. Она остановилась перед трактиром «ТЕЛЕЖНОЕ КОЛЕСО».

За столиками сидели, потягивая винцо, заезжие возчики и странствующие торговцы. Им прислуживал хозяин трактира, папаша Тенардьё, тощий, тщедушный человечек со скрипучим голосом и насупленными бровями.

На пороге расселась громадного роста рыжая толстуха — мамаша Тенардьё. У ног её играли две маленькие пухлые девочки в розовых платьицах.

— Какие прелестные у вас детки, сударыня, — проговорила путница.

Мамаша Тенардые, растроганная похвалой, предложила женщине сесть и отдохнуть.

— И ваша голубоглазая крошка мила, — сказала она. — Как её зовут?

— Козетта, — ответила женщина.

— Куда же вы направляетесь, любезная? — полюбопытствовала мамаша Тенардые.

Женщина печально вздохнула и поведала свою историю. Муж её умер. Она осталась одна и теперь идёт далеко, в родные места, где надеется найти работу. Но вот ребёнок...

И женщина с надеждой посмотрела на мамашу Тенардые.

— Если бы можно было оставить у вас Козетту, — робко проговорила она, — я бы заплатила. — И поспешно добавила: — Только на время! Я устроюсь и вернусь за ней!

— Не очень-то нам это удобно, — проворчала толстуха.

Но папаша Тенардые, услышав о деньгах, вмешался:

— Хорошо, только плата за полгода вперёд!

Так Козетта осталась у супругов Тенардые. Прошло полгода, а мать её так и не объявилась. И её посчитали умершей, а Козетту — полной сиротой. Деньги, оставленные на содержание девочки, давно кончились, и теперь Тенардые смотрели на неё, как на обузу. Но не выкинешь же ребёнка на улицу. Да и что скажут соседи?

Мамаша Тенардые невзлюбила малышку. Каждое её слово или движение навлекало на бедняжку град колотушек, ругани и попреков. Особенно страшной становилась она, когда принималась кричать на девочку. Её разинутая пасть с одним торчащим зубом приводила Козетту в ужас. Дочери трактирщицы, Эпонина и Азельма, подражая матери, тоже обращались с ней дурно. Козетта росла забитым, испуганным ребёнком. Огромные голубые глаза её давно погасли и были затоплены бесконечной печалью.

Прошло ещё пять лет. Теперь на плечи Козетты легли чуть ли не все заботы по дому. Она убирала комнаты, стирала бельё, мыла посуду, бегала на базар и, сгибаясь пополам, носила тяжёлые сумки. Нужно было видеть эту несчастную кроху, когда она зимним утром в дырявых обносках, дрожа от холода, подметала мостовую перед трактиром, еле удерживая в слабых ручонках тяжёлую метлу.

Жалостливые соседи прозвали её Жаворонком. Козетта и впрямь была похожа на трепещущую и пугливую птичку, готовую забиться от страха в любую прореху.

Глава вторая

ЗА ВОДОЙ

Зима в тот год выдалась мягкой. А под Рождество и вовсе растеплелось. Ни морозов. Ни метелей. В трактире под вечер собрался весёлый и шумливый народ. Виноделы, крестьяне с обветренными лицами, громогласные возчики, торговцы всякой мелочью сидели за столами, уставленными оловянными жбанами и бутылками. Оплывшие сальные свечи бросали на столы неровные жёлтые блины света. Изредка кто-нибудь выглядывал в окно и восклицал, покачивая головой:

— Тьма-тьмущая! Хоть глаз выколи!

Папаша Тенардые о чём-то мирно беседовал с деревенским мельником. Раскрасневшаяся мамаша Тенардые орудовала медными кастрюлями у очага. Из соседней комнаты слышались звонкие голоса и беззаботный смех Эпонины и Азельмы. Козетта, воспользовавшись небольшой передышкой, затаилась в своём привыч-

ном месте под кухонным столом. В лохмотьях, в деревянных башмаках на босу ногу, она потихоньку играла с хозяйским котёнком.

Вдруг раздался зычный голос мамыши Тенардые:

— Где эта бездельница? В кадке воды на донышке!

Козетта съёжилась. Накануне заболел водовоз, и за водой надо было идти с вёдрами на край деревни к лесному роднику.

— Я завтра принесу, — пролепетала девочка.

Мамаша Тенардые нахмурилась.

— Ладно, — проворчала она. — Но встанешь пораньше. Мне завтрак гостям готовить.

Козетта слабо улыбнулась. Тут с улицы ввалился дюжий возчик.

— Эй, хозяйка! — крикнул он с порога. — Почему моя лошадь не поена?

— Это ещё что такое? — грозно спросил папаша Тенардые. — В моём заведении должен быть порядок!

Козетта выбралась из-под стола.

— Сударь, — пискнула она, обращаясь к возчику, — я напоила вашу лошадь. Она выпила целое ведро.

Возчик и вовсе взбеленился.

— Знать не знаю! — топнул он ногой. — Когда ей пить хочется, она фыркает по-особому. Уж я-то её повадки изучил!

— Ах, негодница! — набросилась на Козетту мамаша Тенардые. — Ты ещё и голос подаёшь? Сейчас же ступай и напои лошадь!

И разъярённая трактирщица пнула ногой пустое ведро. Оно, звякнув, подкатилось к ногам Козетты.

— Но, мадам, — испуганно прошептала девочка, — воды в бочке нет.

— Так пойди и принеси! — рявкнула толстуха и распахнула дверь.

Снаружи вкатился в натопленный зал клуб пара, и пахло холодом. Козетта покорно подняла большое ведро, в которое с лёгкостью могла бы поместиться сама. Она чуть помедлила, словно не решаясь переступить порог. И тут её окликнула мамаша Тенардьё:

— погоди! Возьми деньги. На обратном пути купишь хлеба!

И она швырнула девочке мелкую монету. Козетта сунула монетку в карман передника, сделала шаг и окунулась в промозглую тьму.

Впрочем, темнота оказалась не такой уж полной. Перед рождественскими праздниками в деревню, как всегда, наехало немало торговцев. Они понаставили вдоль улицы ряды мелких лавочек. Стеклянные витрины их были освещены большими свечами, утопленными в жестяные стаканчики.

Напротив трактира как раз стояла лавка, торгующая игрушками. Витрина её так и блистала серебряной мишурой, золотыми звёздочками и разноцветными стекляшками. А на самом видном месте красовалась огромная кукла ростом с младенца. Наряженная в пышное розовое платье, с золотыми волосами

